

Книги Андрея Бурего
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ОХОТНИК. ЗАМОК ДРЕВНИХ
ОХОТНИК. ПУСТОШИ ДЕМОНОВ
ОХОТНИК. ПОКИНУТЫЙ ГОРОД
ОХОТНИК. ЛОРД ПУСТОШЕЙ**

**ОДЕРЖИМЫЙ. СТРАЖ ИМПЕРИИ
ОДЕРЖИМЫЙ. ЗАЩИТНИК ИМПЕРИИ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БУРЕВОЙ

ОДЕРЖИМЫЙ.
ЗАЩИТНИК
ИМПЕРИИ

РОМАН

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б90

Серия основана в 1992 году
Выпуск 823

Художник
И. Воронин

Бурево́й А.
Б90 Одержимый. Защитник Империи: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 473 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1387-4

Желая наказать своевольного подчиненного, не только с треском провалившего важное задание, но еще и не считающего себя в этом виноватым, руководство Охранки отправляет старшего десятника Стайни на новое место службы в самое глухое место Империи. Не подозревая при этом, что тишина и покой на Остморском отдельном таможенном посту отныне под угрозой. Поскольку мающиеся от безделья стражник да бес-непоседа не могут не взбаламутить всю округу.

Одно хорошо, что старший десятник Кэрридан Стайни при этом о долге своем не забывает. И служит честно. Хотя, по мнению беса, отсюда и все проблемы... Впрочем, рогатый благодетель не унывает, ведь он навсегда рад помочь. Правда, исключительно в строгом соответствии с наиглавнейшим бесовским правилом: «Ненужное — даром, а необходимое только за деньги!»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1387-4

© Андрей Бурево́й, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— В общем, повезло вам, тьер Стайни, просто повезло, — заключил тьер Свотс. — Гарот — мастер своего грязного дела и раньше таких оплошностей не допускал. — Ун-тарх на мгновение замолчал, видимо, припоминая что-то, а затем продолжил: — Хотя если подумать, то список его жертв составляют в основном люди, скажем так, неспособные к оказанию серьезного сопротивления: купцы да дельцы всех мастей. На том он, наверное, и погорел, переоценив свои возможности.

— Да, на настоящего профессионала он не тянет, — согласился я, припомнив подробности ночной схватки с этим убийцем недоделанным. — Ножом не слишком хорошо владеет... Да и вообще... Можно сказать, лишь за счет скорости и выезжает.

— Так прежде он больше на другой свой талант полагался — на способность совершенно незаметно проникать в дом жертвы, — заметил ун-тарх и предположил: — А здесь, похоже, слишком поторопился, кое-что не рассчитал... Преждевременно всполошил вас и позволил встретить его во всеоружии.

— Да, это все, наверное, из-за спешки, — напустив на себя глубокомысленный вид, согласился я. Умолчав при этом о том, что наемный убийца нигде не допустил оплошек. И если бы меня не разбудил бдительный бес... то проснулся бы я скорей всего с разрезанным от уха до уха горлом.

— Повезло... — повторил тьер Свотс, бросив на меня задумчивый взгляд. — Кое-кому очень повезло, что наши контрабандисты перенервничали и наглупили в спешке. Чуть бы

все обдумали да вышли на людей посерьезней Гарота... Есть у нас умельцы не хуже столичных... Тут-то бы вам и несдобровать, тьер Стайни. — И строго спросил: — А все почему?

— Потому что не доложил вам о проводящемся мной расследовании... Ведь никому не понадобилось бы меня устранять, если бы я не был единственным человеком, знающим все подробности этого дела... — уныло протянул я, давно выучив наизусть то, что хотел мне втолковать ун-тарх. Наш разговор возвращался к одному и тому же уже раз в десятый. Глава остморского отделения Охранной управы словно собрался выработать у меня условный рефлекс докладывать ему обо всем, что я только задумаю совершить.

— Вот именно! — одобрительно кивнул ун-тарх, успокоенный моей покладистостью.

А я вздохнул и неприязненно покосился на развалившегося на столе беса. Тот тут же отворотил рыло и развел лапками, словно говоря: «А что я?!»

Хотя именно из-за этого паршивца меня чуть не порешил наемный убийца... А ведь всего каких-то три месяца назад, когда я прибыл на отдельный Остморский таможенный пост, ничто не предвещало подобных неприятностей...

«Ну что, срубили по-быстрому денежек? А, специалист по ловле контрабандистов?» — не удержался я от донельзя язвительной подначки.

«А я, я виноват, что у вас тут контрабандисты такие идиоты?! Понятия не имеют, как такие дела делаются, а все туда же суются! — возмущенно засопел бес. — Это ж святое дело — доходами с таможенниками делиться!»

Я вновь вздохнул. Сам тоже виноват. Надо было серьезнее отнестись к этому делу, а не считать его лишь способом избавиться от скуки. И сомневаться в том, что бес лучше разбирается в контрабандистах, не стоило... Теперь вот еще и желание ему проспорил... Хотя... А был ли у меня выбор? Когда всюду эта дико обольстительная стерва Кейтлин мерещится...

Эх, как вспомнишь...

* * *

Тогда ведь, в тот злополучный день, я сразу поверил эсс-тарху Бачуру, что контрабандистов на отдельном Остморском таможенном посту на самом деле и в помине

нет. Хотя абсолютно все указывало на то, что мое назначение сюда — изошренная месть со стороны руководства Охранки и меня просто сослали в эту дыру. Да и не только я — все, похоже, так считали: и откровенно ухмыляющийся ун-тарх Свотс, и остморские стражники, которым поведали о том, с какой важной задачей меня сюда направили. Хорошо в тот миг у меня не было никакой возможности добраться до грасс-тарха Луарье с оружием в руках. Иначе быть бы мне казненным за убийство имперского чиновника высшего звена. Причем совершенное с особой жестокостью.

Как же меня тогда от злости и негодования трясло... Не передать. Бывший начальник-то сразу отстранился от дел, и мне с ходу пришлось заняться таможенными делами. Стоя на пристани, у испещренной алыми рунами серебристой арки, я просто скрежетал зубами, глядя на нескончаемый поток грязных, дурно пахнущих тварей, именуемых овцами. Так хотелось кого-нибудь убить...

Но пока суд да дело, большегрузный паром разгрузился, а я чуть успокоился. Да и обретавшиеся поблизости стражники к тому времени прекратили втихомолку потешаться надо мной и ухмыляться. Надоело, наверное. А их десятник, переговорив о чем-то с ун-тархом за моей спиной, подошел и спросил:

— Так вы, тьер Стайни, тоже из стражников будете?

— Угу, — подтвердил я. И вытащил на всеобщее обозрение из-за ворота куртки пару своих значков. А затем протянул остморскому стражнику руку и представился как положено: — Старший десятник Кэрридан Стайни. И лучше на «ты».

— Готард Дилэни, десятник, — пожал мне руку глава подразделения, несущего службу на таможенном посту. И хитро сощурился: — Так за что тебя сюда, брат?

— За заслуги перед Империей, — проворчал я, с трудом удержавшись от нецензурного высказывания в адрес главы первого отдела Охранки. И пояснил немолодому уже стражнику с пышными усами и с белесым пятном от старого ожога на правой щеке: — Показал я себя недавно в громком деле с контрабандой.

— Так тебя сюда не за провинность какую сослали? —

изумленно возрился на меня остморский десятник. — Но если так, то зачем?.. Контрабандистов же здесь днем с огнем не сыскать! Не дураки же они пытаться протащить под аркой что-то запрещенное!

— Начальству виднее, — дипломатично уклонился я от ответа, не желая сознаваться в том, что это назначение — действительно ссылка за провинность. Пусть лучше подчиненные думают что хотят, чем открыто ухмыляются за спиной. С какой стати мне портить себе настроение на полгода вперед?

— Нет, ты постой, — ожесточенно помотал головой Готард. — Постой. Надо разобраться со всем... — Он хмуро уставился на меня. — Это что же тогда выходит — тебя с проверкой к нам прислали? Посмотреть, справно ли мы здесь службу несем, а потом доложить наверх?

— Да нет, ничего подобного, передо мной не стоит задача вас проверять, — успокоил я десятника. Но об истинных причинах своего появления здесь все-таки умолчал.

— Тогда какого беса тебя сюда прислали? — недоверчиво зыркнул на меня Готард. — Не контрабандистов же ловить в самом деле!

— А почему нет? — подыграл я своему собеседнику. — Мне дали недвусмысленный приказ пресечь контрабандные потоки, идущие через этот пост. А это значит — у начальства есть основания считать, что здесь наличествуют проблемы с законностью перемещаемых через границу товаров...

— Да ну, бред! — отмахнулся десятник и указал на огороженную пристань, на которую не проникнуть иначе, кроме как пройдя под высоченной серебристой аркой. — Ты погляди сам — тут же невозможно что-то незаметно протащить в обход стиарха!¹

— Ну не знаю... — напустил я на себя задумчивый вид. — Но ведь как-то умудряются тащить контрабанду...

Десятник с досады сплюнул и хотел было привести еще пару веских доводов в доказательство ошибочности моих

---

¹ Стиарх — контурный уловитель стихийных проявлений. Обычно создается в форме арки. Его принцип работы основан на фиксации и сопоставлении низкоэнергетических эманаций, испускаемых предметами при воздействии на них плотного потока чистой стихии Света.

предположений, но тут поток сходящих с парома овец иссяк. И появились хозяева этой отары — запыленные и загорелые чуть ли не до черноты степняки. Причем все как на подбор низкорослые и худобавые. Да и лошади у них такие же — мелкие и невзрачные. Не чета нашим скакунам.

Не обратив на меня никакого внимания, вперед выступил пожилой степняк, довольно прилично одетый на фоне остальных погонщиков. Покрутив головой, рассматривая встречающую его делегацию, он немного растерянно обратился к эсс-тарху:

— Тьер Бачур?..

— Все-все, нет меня больше, — довольно улыбаясь, поднял тот руки и кивком указал на меня. — Обращайтесь теперь вот к тьеру Стайни.

— Э, плохо как... — искренне огорчился скотовод. — Зачем уходишь, а? Такой место хороший бросаешь... У нас ведь все тебе завидовать — сидишь себе, ничего не делаешь, а хороший денежка получаешь...

— Вот посидел бы ты здесь безвылазно пару лет, я бы тогда посмотрел, в радость тебе та денежка была бы или нет, — обозлился эсс-тарх.

Но пожилой степняк уже утратил интерес к бывшему начальнику таможенного поста и ничего ему не ответил. Он принялся внимательно разглядывать меня, а потом, что-то решив для себя, сказал:

— Тысяча и еще четыреста барашка мне запиши. Платить пошлина буду.

— Готард, а кто должен считать овец? — окинув взглядом непрестанно движущуюся массу овец, спохватился я.

— На кой их считать-то?! — выпучил глаза тот. — Тебе же сказали — тысяча четыреста голов! Так и пиши.

— А если... — Я замялся и покосился на степняка.

— А если и так, то ничего страшного, — правильно понял причину моей заминки десятник. — Ну недосчитается казна пары медяков таможенного сбора, так это ж ерунда. А правильно счесть этих животных — целая проблема. Сейчас-то, по лету, еще ничего, скота немного гонят, а что тут по осени творится... В общем, в казначействе решили, что проще дать скотоводам малые поблажки, чем прислать хороших счето-

водов и организовать здесь точный учет. Так что не грузись — все нормально. Степняки — они тоже понятие имеют, больше, чем на десяток-другой голов, не обманут. Чисто так для душевного удовольствия.

— Ну ладно, раз так — значит, так, — вздохнул я и посмотрел на ун-тарха Свотса, подтвердившего кивком правдивость слов десятника.

— Все бумаги заверяются в конторке, — тут же встрял делопроизводитель Нетвор. — Пойдемте, тьер Стайни, я покажу, что и как заполнять.

— Да, идемте, — согласился я, поманив за собой степняка.

— Стайни, ты как разберешься с этим делом, в трактир зайди, — сказал мне в спину десятник. — Потолкуем...

— Хорошо, — уже на ходу ответил я.

— Пойду-ка я вещички укладывать, — уведомил нас возбужденно потирающий руки эсс-тарх Бачур, видя, что в его присутствии мы не нуждаемся. И едва ли не бегом помчался собирать пожитки.

Мы же неспешно вошли в здание таможни, и делопроизводитель немедленно взялся обучать меня правильно заполнять нужные документы. Усевшись на стоящий возле письменного стола стул, тьер Нетвор начал тыкать пальцем в бумаги и пояснять:

— Берете вот эту декларацию из стопки, проверяете ее номер... он должен идти по порядку... вписываете имя... — Прервавшись, он вопросительно посмотрел на скотовода.

— Фархад пиши, сын Абдулы, — пригладив тощую бородашку, важно заявил степняк.

Я записал. А тьер Нетвор продолжил:

— Вписываете имя владельца груза и в обязательном порядке количество сопровождающих его лиц. Сколько там, шестеро погонщиков было?

— Семеро нас, — молвил степняк и начал степенно перечислять: — Я, младший брат, его сын, племянник моего побратима...

— Мы поняли, поняли, — торопливо перебил его делопроизводитель и велел мне: — Впишите здесь просто — с шестью сопровождающими. А поименно их перечислите уже в книге учета перемещающихся через границу лиц.

— Записал. — Я оторвал взгляд от бумаги.

— Теперь следует заполнить графу с наименованием перемещаемого через границу груза и его количеством.

Я старательно вывел: «Овечья отара. Тысяча четыреста голов».

— Теперь открываете перечень облагаемых таможенной пошлиной товаров и подсчитываете, какую сумму вы должны взыскать с Фархада, сына Абдулы, — дождавшись, пока я запишу, сказал делопроизводитель.

— Всего медяк с головы? — удивился я, быстро найдя овец в перечне, расписанном в алфавитном порядке.

— Все верно, — подтвердил тьер Нетвор. — А в сумме выходит, что вам должны уплатить тысячу четыреста медяков или два золотых и восемь серебряных ролдо. Последнюю сумму и следует вписать в декларацию.

Скотовод, услышав о деньгах, тут же вытащил из-за пазухи потертый, засаленный кошель и начал отсчитывать нужную сумму. Серебром, правда, — золота у него, похоже, не водилось.

Тьер Нетвор терпеливо дождался, пока степняк выложит на стол требуемое количество серебряных монет:

— А теперь, когда пошлина уплачена, ставите печать внизу документа и отдаете его уважаемому Фархаду, сыну Абдулы.

— Что, и все? — недоверчиво осведомился я, пораженный простотой документооборота.

— Нет, конечно, не все, — улыбнулся делопроизводитель. — Все, что вы сейчас записали, нужно занести в книгу учета. А каждое утро уже из нее делаете выписки, перечисляя выданные за прошедший день декларации, и передаете их с собранной таможенной пошлиной в городское отделение казначейства.

— Но мне же нельзя отлучаться с поста, — заметил я.

— Вам-то, разумеется, нельзя, а вот несущие здесь службу стражники каждое утро сменяются и возвращаются в Остмор, — вмешался тьер Свотс. — Они и обеспечивают ежедневную доставку выписок и денег до казначейского отделения.

— Понятно.

— Вот и отлично, — добродушно усмехнулся ун-тарх и за-

собирался на выход. — Что ж, раз вы со всем разобрались, то нам здесь больше делать нечего.

Я открыл было рот, дабы узнать еще кое-что, но он меня успокоил:

— Ничего-ничего, тьер Стайни, все будет в порядке. А о всяких тонкостях здешней службы вам лучше десятника поспрашивать, он лучше меня в этом деле разбирается. Ну а я через пару дней загляну к вам и разьясню неясности, коли они останутся. Договорились?

— Ну хорошо, — пожал я плечами.

— И это... удачи тебе с контрабандистами! — с ухмылкой пожелал мне эсс-тарх Бачур, уже переодевшийся в цивильное.

Покосившись на прежнего начальника таможи, я плотно сжал губы, чтоб не дать вырваться какому-нибудь ругательству. Гад ведь какой, издевается... Хотя сам совсем недавно был на моем месте.

Коротко попрощавшись, ун-тарх с делопроизводителем быстро убрался из таможенной конторы. Прихватили по пути эсс-тарха, заскочили в свою карету — только мы их и видели. И остались мы вдвоем с бесом, бросающим унылые взгляды на горстку уплаченного степняком серебра...

«А может, ну ее, а?.. Такую службу...» — с надеждой взглянул на меня рогатый, сочтя невеликую сумму серебром недостойной вниманием.

«Мы не в том положении, чтобы отказываться, бес, — вздохнул я. — И так чудом отделались от дознания по делу о бегстве Энжель. Нам теперь надо сидеть тихо-тихо и не отсвечивать, пока про нас совсем не забудут. Да и потом полгода — это не так долго. Найдем чем заняться и как себя развлечь».

«Недолго?! Полгода — это недолго?! — возопил возмущенный бес, подскочив едва ли не до потолка. — Да мы тут через пару дней от скуки сдохнем!»

«Ну, может, все не так печально? — выразил я осторожный оптимизм и поднялся из-за стола. — Пойдем лучше десятника на предмет здешних реалий расспросим».

«Толку-то? И так понятно, что дыра — она и есть дыра», — чуть поостыв, буркнул бес. Но оспаривать мое решение не

стал. Просто перескочил мне на плечо, скрестил лапы и угрюмо засопел, выражая таким образом свое отношение к происходящему.

Убрав учетные книги в шкаф, я закрыл контору и двинулся напрямиком в трактир. Пообщаться с Готардом, а заодно и перекусить. А то уже в желудке урчать начинается...

Быстро дойдя до приземистого строения, я вошел внутрь и ненадолго остановился у двери. Темновато оказалось в зале. А все из-за того, что на улице пасмурно и сквозь окна проникает слишком мало света. Ну а запалить среди бела дня лампы кому-то, видимо, жадность не позволила.

— Стайни, двигай сюда, — окликнул сидящий у стойки Готард и, мотнув головой в мою сторону, обратился к трактирщику, кряжистому мужику, неторопливо вытирающему полотенцем медный кубок: — Вот, Лигет, знакомься — наш новый начальник.

— Кэрридан Стайни, — по-простому представился я и пожал протянутую руку.

— Лигет Райс, — крепко стиснув мне ладонь, веско уронил трактирщик и вернулся к своему занятию.

— Народу немного, как я посмотрю, — оглядевшись, заметил я, желая завязать разговор с примолкшими мужчинами.

— Да, немного, — продолжая натирать и так уже блестящий кубок, безразлично отозвался Лигет. — Осенью будет больше.

— Может, пивка? — предложил Готард.

— Даже и не знаю... — замялся я, соображая, как отреагировать на такое предложение. — Не положено же вроде на службе спиртное употреблять...

— Так то-то и оно, что не положено, — вдруг испустил горестный вздох трактирщик.

— А в чем, собственно, дело? — недоуменно уставился я на него.

— Да это Лигет о прежних временах горюет, — прояснил ситуацию Готард. — О тех, когда в его заведении выпивка текла рекой пошире Леайи.

— Ничего не понял, — помотав головой, сознался я.

— Пиво здесь, уж лет десять как, только светлое эрехейское подают, — сказал Готард.

— Да кто ж его пить будет? — искренне изумился я. И тут же поправился: — Ну разумеется, кроме самого этого злого гения — Эреха Квинти, что измыслил такую жуть — пиво, которое совсем не пьянит!

— А куда денешься, когда иного нет и не будет? — пожал плечами десятник, глядя на взгрустнувшего трактирщика. — Продажа выпивки на территории таможенного поста — под строжайшим запретом.

— Да уж... — Меня немного огорчил такой поворот событий. Не то что мне без выпивки жизнь не мила, но иногда ведь расслабиться не помешает.

— Так ты будешь пиво? — повторил свое предложение десятник.

— Нет, — поразмыслив, покачал я головой и посмотрел на трактирщика. — Мне бы чего-нибудь перекусить...

— Сейчас будет, — пообещал Лигет и, подойдя к низенькой дверке, перегораживающей проем в стене рядом со стройкой бара, крикнул: — Лидия! Поесть принеси! Одну порцию!

— А что, с разнообразием блюд здесь так же напряженно, как с пивом? — поинтересовался я, улыбнувшись тому, как быстро и просто разобрался с моим заказом трактирщик.

— Ага, — кивнул десятник и, глотнув из кружки пива, досадливо поморщился. — За это следует благодарить городской совет, принявший постановление о недопущении препятствования следованию грузов через территорию таможенного поста!

— В смысле? — не понял я. — Что еще за постановление такое?

— Владельцы остморских таверн и кабаков пожелали избавиться от конкурента в лице Лигета и, исхитрившись, протащили через городской совет бумажку, вроде как долженствующую помочь перегонщикам скота поскорей доставить свой товар до рынка, — пояснил Готард. — И дабы степнякам ничто не мешало, чинуши магистратские решили избавиться их от соблазнов, кои предстают перед ними при встрече с цивилизованным миром. То есть от встречи со стоящим прямо у таможни кабаком: с выпивкой, азартными играми и гулящими девками!

— Не понял... Это что же, все обычные развлечения просто напрочь запретили, что ли? — насторожился я, переглянувшись с наострившим уши бесом.

— Угу, — подтвердил Готард и махнул рукой. — Да что развлечения, тут до того дошло, что из кушаний в трактире разрешили только отварную баранину подавать!

— И пристройку, что еще дед мой поставил, повелели снести, — пригорюнился трактирщик.

— Да, и пристройку вот двухэтажную с комнатами для торговых гостей под слом пустили, — подтвердил десятник. — Чтоб, значит, не задерживался здесь никто. Да что там говорить... Вон полюбуйся лучше.

— На что полюбоваться? — уточнил я, оглядев помещение трактира и не приметив ничего занятного. Грубые лавки, столы. За одним степняки расположились. Лопают отварную баранину с картошкой, лопочут по-своему да опасливо косятся узенькими глазками на подошедшую к ним трактирную прислугу... внушающую дрожь и трепет своей монументальностью... Воистину необъятных размеров женщина... Такую вполне можно вместо вышибалы держать. Она же втрое больше самого крупного степняка и на добрый фут выше! И веса в ней, наверное, фунтов под пятьсот! Да у нее кулаки того же размера, что головы у обитателей степей!

— Видал, кого теперь Лигету велено брать вместо молодых симпатичных девчонок? — проворчал Готард. — Как там, в бумажонке этой, говорится — «для быстрейшего ознакомления торговых гостей с общепринятыми моральными нормами в отношении представительниц слабого пола». О как! Понял? — И быстро отвернулся от обратившей на него внимание прислуги. После чего, сильно понизив тон, договорил: — С такими не забалуешь... Ты ее по заду хлопнешь, а она кулачищем ка-ак даст в морду... И все — выносите тепленького.

— Жуть, — ошеломленно выговорил я, осознав, какие проблемы меня ждут. Ладно, нет здесь выпивки — невелика беда. Пусть в трактире всего одно блюдо готовят — я неприхотливый в еде. Но ведь при здешнем раскладе и об общении с девушками придется забыть на полгода! Ужас! Ужас-то какой!

— И не говори, — поддержал меня десятник, украдкой

поглядывая на подбоченившуюся служанку. — Всамделишная жуть.

«Ну что, «не все так печально», да? — ядовито осведомился бес и, вцепившись в ворот моей куртки, взвизгнул: — Давай побыстрее вещички в торбу кидай — и ходу, ходу отсюда!»

«Угомонись ты, а? — досадливо поморщился я, с трудом уняв вновь появившуюся жажду немедленного убийства высшего руководства Охранки. И, стиснув зубы, прошипел: — Вот теперь мы точно этот пост просто так не оставим!»

«Ты сдурел, что ли? — возопил рогатый. — Немедля, немедленно надо валить из этой дыры! Это захоlustье — оно как трясина, мигом засосет!»

«Ничего, выдюжим, — недобро сощурившись, пообещал я. — А потом придет и на нашу улицу праздник!»

«Какой еще праздник?! Что ты мелешь, ослоголовый?! — разорался бес. — Неужели после такой подставы ты решил оставить все как есть и утереться?! И собираешься сидеть тут и тихонько сопеть в тряпочку?! — И, с надеждой воззрившись на меня, предложил: — Давай лучше переиграем этих наглых чинуш. Можно, например, что-нибудь эдакое отчебучить, чтобы тебя отстранили от службы и отправили восвояси! И останется тогда от всех их хитроумных планов один пшик!»

«Вот уж шиш им! — холодно проговорил я. — Не дождутся, с-собаки... — И пояснил недоумевающему бесу: — Все ты правильно говоришь, рогатый, — подставили меня жестко эти гады из Охранки. Но, думается, они понимали, что делали, и предполагали мою реакцию. А это значит, они просто не стали сразу спускать на меня всех собак — невыгодно было, и отложили это дело на потом. И теперь ждут, что я сорвусь... Чтобы вполне законно с позором выгнать со службы! Только не дождутся, ур-роды!»

«Так и что нам теперь, полгода в этой глуши жить?! — взвыл бес. — Без кабаков, без игорных домов и девок?!»

«Ничего, потерпишь», — отмахнулся я от негодующей нечисти.

«Я-то потерплю, — насупился бес и тут же злорадно ухмыльнулся: — А вот ты-то как?»

«Как-нибудь», — буркнул я в ответ.

«Ну не будь ты остолопом, а? — просительно протянул рогатый. — Ну во имя чего такие жертвы? Подумаешь, со службы выгонят! Да плюнь и разотри! И к тому же... И к тому же при таком раскладе в дураках все равно останутся чинуши из управы, а не ты! Ведь ты от этого только выигрываешь, а они, можно сказать, наиценнейший кадр теряют! Вот! Сам подумай, где они еще такого первоклассного служаку, как ты, найдут?»

«Да и не говори», — малость подыграл я хвостатому, выслушивая его откровенно льстивые высказывания.

Воодушевленный тем, что я не спорю и внимательно прислушиваюсь к его действительно разумным словам, бес с восторженным напором продолжил:

«Соображаешь, дурень, как оно все оборачивается, а?! Они хотели сделать тебе хуже, а сделали себе! Вот остолопы, да?!»

Но я промолчал, размышляя о своем, и хвостатый чуть приуныл. И, с сомнением глядя на меня, заканючил:

«Ну ты ведь правда ничего не теряешь... Разве что награду тебя лишат... — Но, видимо, сочтя такую потерю крайне несущественной, легкомысленно махнул лапкой: — Да только зачем они тебе нужны? Дашь денежек ювелиру, так он тебе во сто крат краше орденков настряпает! И будет их у тебя не два, а сколько пожелаешь!»

«Мы остаемся здесь, бес, — чуть помедлив, покачал я головой. — Не дело это — идти на поводу у всяких гадов кабинетных из Охранки».

«Так, значит, вот ты как?! — соскочил с моего плеча на стойку бара бес и, оперев лапы в бока, заявил: — Тогда знай — сам своих грязных баранов считать будешь! На меня не рассчитывай! И вообще...» — Не договорив, он просто исчез.

«Бес?.. Бес, куда ты запропастился?» — недоуменно pokrотив головой, попытался призвать я нечисть. Но этот проходимец хвостатый не объявился и не откликнулся.

От бесплодных попыток дозваться беса меня оторвал десятник. Похоже, он решил, что наступил подходящий момент для расспросов.

— Так что там с твоим назначением, а, Стайни?

— Я же уже говорил — меня сюда отправили ловить контрабандистов, — выдал я в общем-то чистую правду. Только не всю.

— Нет, ты слышал, Лигет? — спросил у трактирщика Готард. — Контрабандистов его к нам ловить отправили! — И презрительно фыркнул: — Совсем там, в Охранке, за ослов нас держат! Даже не удосужились приличную легенду для своего человечка состряпать!

— Угу, — покивал в такт его словам Лигет, устремляя на меня настороженный взгляд.

— Да никакая это не легенда, — попытался я максимально убедительно заверить собеседников. Похоже, скрывая истинные мотивы своего назначения, я могу втравить себя в еще большие проблемы. Если не удастся сейчас отбрехаться, то как пить дать — сочтут меня одним из этих гадов-инспекторов, что изводят проверками служивый люд. А это еще хуже насмешек — кому приятно, когда при встрече все рожу от тебя воротят, не разговаривают и вообще напрочь игнорируют. Ладно в городе, но в такой дыре через пару дней взвнешь без общения.

— Значит, будешь стоять на своем? — уточнил десятник. — Ну-ну...

— Да ладно вам, — не стал я молчать. И, памятуя о том, что лучшая оборона — это наступление, насмешливо фыркнул: — Можно подумать, у вас тут лихих людей совсем нет. Прямо святые места, а все население поголовно — честные и порядочные граждане.

— Не все, конечно, — признал справедливость моего замечания Готард и, отставив пиво, повернулся ко мне: — Но контрабанду через нашу таможеню все равно никто не тащит!

— Ты в этом абсолютно уверен? — задал я провокационный вопрос.

— Да!

— Выгоды здесь нет никакой с нелегальных поставок товара, — вмешался в наш разговор трактирщик, на миг прекратив начищать кубок. И вздохнул: — Оттого и контрабандистов нет.

— Нет, ну бывают, разумеется, случаи, когда кто-то из приказчиков или караванной охраны пытается кое-что через

таможню без уплаты пошлины протащить, — неожиданно не согласился с ним десятник. — Как без этого? Редко, но бывает... Только это на городском посту, а не тут.

— Да и что там тащат? Так, ерунду всякую, не стоящую упоминания, — пренебрежительно махнул рукой трактирщик и, опершись руками о стойку, продолжил излагать прерванную десятником мысль: — Контрабандисты у нас не водятся, потому что выгоды нет. Большая часть вывозимого товара, пользующегося неизменно высоким спросом в степи, — это галантерея и мануфактура. А таможенные пошлины на такой товар крайне невелики. Казначейство таким образом поддерживает наших работяг. При подобном раскладе и контрабандных потоков от нас к степнякам нет. А у них, кроме овец, считай ничего на продажу и нет. Но ввозимый к нам скот тоже облагается необременительной пошлиной. Вот и выходит, что и им нет никакого смысла контрабандой промышлять.

— В общем, отдельные случаи бывают, а преступной системы нет, — заключил десятник, едва Лигет прервался. — Десяток-другой отрезков сукна купеческие приказчики иногда утаят, пару коробок перламутровых пуговиц... да, пожалуй, и все. Реальных же контрабандистов у нас днем с огнем не сыщешь.

— Ну если поискать, то найти можно, да только не на таможне, — усмехнулся трактирщик. — Ее-то они обходят десятой дорогой.

— Вот-вот, — кивнул Готард. — С таможней они просто не связываются — под аркой запрещенный товар при всем желании не протащить, обязательно попадешься. И скажу я тебе — на такую дурость ни один контрабандист не сподобится! Ведь единственный товар, который имеет смысл тащить из степи, это «Эльвийская пыль». А за ее ввоз светит пожизненная каторга без всяких поблажек... И какой, по-твоему, идиот согласится тащить такой груз под аркой?

— Таких идиотов нет, — поддержал Готарда трактирщик. — «Эльвийскую пыль» все больше верхом переправляют, ну или в крайнем случае с бегунками... Но никак не через таможню.

— Что за бегунки такие? — тут же любопытствовал я.

— Да просто олухи, — поморщился десятник. — Не пре-

ступники даже... Обычные люди, которых торговцы дурью подвывают к своему делу за карточные долги или еще как. И подражают доставить товар с того берега Леайи.

— Находятся остолопы, что поддаются на уговоры разом расплатиться по долгам, просто смотавшись разок за реку и обратно. Только шансов у них практически нет, — поделился Лигет. — В окрестностях Остмора пять сотен конных егерей расквартировано, чтобы таких вот бегунков ловить.

— И дело свое парни знают! — подхватил десятник. — Всю реку обложили — везде посты, пикеты и разъездные патрули. Мышь не проскочит!

— Угу, — кивнул трактирщик. — Шансов пробраться через кордон практически нет. — И поднял взгляд на потолок: — Потому почти весь поток дури верхом идет. Там, где до контрабанды ни таможенникам, ни егерям не добраться.

— Это как так? — не понял я многозначительных намеков.

— Да очень просто, — усмехнулся Лигет. — Торговцы дурью засылают в степь своих эмиссаров, те закупают «Эльвийскую пыль», возвращаются к границе, мастерят небольшой воздушный шар и, дождавшись попутного ветра, запускают его. Предварительно загрузив десятком фунтов дури и снабдив магическим маячком. И через несколько часов груз уже на территории Империи. Благополучно миновав все кордоны и заставы, приземлился в какой-нибудь глуши. Где его и подберут. И при этом для самих торговцев дурью — почти никакого риска быть пойманными.

— Хитрый способ, — восхитился я изобретательностью местных.

— Понял теперь, почему контрабандистов у нас тут нет? — спросил десятник и сам же ответил: — Потому что при таком раскладе им просто на фиг не сдалась таможня!

— В общем-то понял, — ответил я, сосредоточенно размышляя над здешними реалиями. И, подумав, осторожно заметил: — И все же мне кажется, не все так славно у торговцев дурью. Их воздушный транспорт вряд ли надежен... Демон его знает, куда занесет этот воздушный шар. Замаешься гоняться за ним и искать.

— Это да, — согласился Лигет. — Только торговцы дурью

остаются в наваре, даже получив лишь малую часть отправленного. Сколько там, в степи, эта «Эльвийская пыль» стоит? Ну три, ну пять золотых за фунт... Все зависит от жадности сборщиков. У нас же этот же самый фунт, ежели за раз продать, не меньше чем за полсотни уйдет. А если по частям расторговать, то и всю сотенку наварить можно.

— Ничего себе! — присвистнул я. — При такой разнице в цене действительно мало кого будут волновать потери некоторой, даже значительной части груза.

В этот момент распахнулась дверка, отделяющая кухню от зала. И появилась, видимо, та самая Лидия, к которой ранее обращался трактирщик. А может, и не она. Но поднос с едой в руках у девушки был.

И глядя на нее, я окончательно упал духом. Нет, роста она оказалась обычного и телесной мощью не впечатляла. Разве что чуть полновата, на мой вкус... Но смотреть на нее без слез невозможно — до того жалко бедную становится. Косая на правый глаз, лопухая, нос — как клюв хищной птицы. А улыбаться ей вообще противопоказано! Ибо зубы все кривые: какие внутрь загнуты, а какие наружу торчат. Просто страх смертный во плоти!

— Как же вы здесь живете?! — вырвалось у меня. И сказал уже чуть тише, чтобы не расстраивать бедную девушку: — Тут же милосердный дом для увечных впору открывать, а не трактир!

— Так вот и живем, — буркнул в ответ трактирщик. — Иди, Лидия, иди, — сказал он прислуге, подошедшей к нам и поставившей на стойку поднос.

А Готард зачем-то пнул меня ногой и сделал страшные глаза. Я не стал развивать поднятую было тему страхолюдин, работающих в трактире. Вместо этого отдал должное местному яству — баранине, обжаренной с луком и картофелем. И был приятно удивлен тем, что блюдо оказалось вполне прилично приготовленным. Я с удовольствием умял всю порцию и собрался даже попросить добавки. Но не успел.

— Десятник, там еще отару пригнали, — заглянув в трактир через открытое окошко, обратился к Готарду стражник, при этом глядя почему-то на меня.

— Сейчас будем. — Десятник тут же вылез из-за стойки и поторопил меня: — Идем-идем, а то ведь без нас паром никто не отправит. Не положено.

— Ну раз надо, то идем, конечно. Сколько я должен? — потянувшись за кошелем, спросил я трактирщика.

— Забудь, — отмахнулся тот. — Мне за кормление стражи и служащих таможи из казны деньги платят.

— Тоже неплохо, — одобрил я подобное радение городских властей о простых служащих. И бодро пошагал следом за Дилэни.

Выйдя из трактира, Готард обернулся:

— Ты это, Стайни, не задевай Лидку. Да, девчонка не красавица, но это не ее вина.

— Да нет проблем, — с удивлением посмотрел я на неожиданного защитника. И полюбопытствовал: — А что ты так о ней беспокоишься?

— Это я не о ней, а о тебе беспокоюсь, — пояснил десятник. — Лигет сам не свой становится, когда над его племянницей потешаются. Запросто может насмешнику красоту с физии свести... Невзирая на его чин.

— Так она ему родня? — озадачился я. — А почему он к магам не обратится, чтобы они девчонке лицо подправили? Неужели у него действительно так плохо идут дела из-за этого постановления городского совета?

— Да просто деньги — это ж такая штука... — с досадой махнул рукой Готард. — Они то есть, то сразу их нет.

— Ну это понятно, — усмехнулся я. — Но все равно, должен же трактир какой-никакой доход приносить?

— Он и приносит, — поморщился десятник. — Просто тут такое дело... Лигет насобирает уже было нужную сумму, чтобы навести племяшке красоту, да тут несчастье — жена у него слегла. Денег на ее лечение целую прорву угрохал. Хотя все равно вытащить Адель не смогли... Да целители сразу ему об этом говорили — мол, нет шансов. А он все надеялся... Шарлатанов-чудотворцев всяких к ней таскал...

— Понятно.

— Такие вот пироги, — вздохнул Готард. — Так что нет у него сейчас полусотни золотом, чтобы Лидке лицо поправить. И неизвестно, когда ему удастся столько скопить...

— Ничего себе! — искренне возмутился я. — Это кто ж такие цены ломит? Лечение-то ведь не самое сложное. Утраченную конечность и то всего за полтора десятка золотых маги берутся восстановить.

— Ну ты сравнил, — хмыкнул мой спутник. — Лицо — это тебе не какая-нибудь там рука или нога. Тут дело край какое серьезное. Особливо для девицы. Просто подправить лицо маги и за десятку золотом берутся, но без гарантий.

— Без каких еще гарантий? — не понял я.

— Что все славно выйдет. Дело-то кропотливое и особого мастерства требует. Причем тут понадобится не только искусный целитель, но также природный эмпат и хороший маг-менталист. Работа эта не на день и не на два, а до тех пор, пока человек не примет новое лицо как свое. А иначе, знающие люди говорят, может случиться что угодно... От тихого помешательства до настоящего безумия.

— Даже не знал о таких сложностях, — признался я. — Тогда, конечно, понятно, отчего целители такую цену запрашивают.

На том наш разговор и закончился. Мы дошли до причала, где нас уже дожидалась целая делегация паромщиков и стражников. Один из стражников сразу протянул десятнику зрительную трубу. Хотя и без нее можно было прекрасно рассмотреть и овечью отару, и перегонщиков на другом берегу Леайи.

— Слаб я что-то стал глазами в последнее время, — немного смущенно признался Готард, принимая из рук подчиненного зрительную трубу и принимаясь разглядывать противоположный берег. И спустя непродолжительное время оповестил: — Это люди братьев Фьюри скот гонят... Два раза паром переправлять придется.

— Что за братья Фьюри? — полюбопытствовал я.

— Да это наши первейшие остморские дельцы, — охотно пояснил десятник. — А знаешь, почему первейшие?

— Нет, — покачал я головой.

— Да потому что умные. Первыми сообразили, что выгоднее наладить полную переработку, чем заниматься забоем скота и поставлять мясо в глубь Империи. Они и из мяса разные копченые вкусности готовят, и шкуры выделывают, и

шерстяную нить тянут, и даже костную муку мелют! У них все в ход идет. Оттого и доход на все том же скоте выше, чем у других. Ведь у них целое предприятие, а не какая-то там простая скотобойня или коптильня, как у некоторых!

— Действительно не дураки, — согласился я, мигом оценив перспективы такого предприятия.

— Ну дак, — подтвердил десятник. — Соображение имеют! Всем бы дельцам так. Чтоб и самим богатство наживать, и горожан доброй работой обеспечивать, как это братья делают. Им даже знаки почетных жителей города вручили за заботу о процветании Остмора.

— И что, они еще и сами скот гоняют? — спросил я.

— Ну не сами лично, разумеется, а их люди, — ответил Готард. — Не могут же они зависеть от милости степняков и ждать, пригонят им скот или нет. Да еще по невесть какой цене. Предприятие — это дело такое, каждый день работать должно. Хотя если разобраться, то у всех мало-мальски крупных дельцов свои перегонщики имеются. Да и вообще в Остморе немало предприимчивых людей в межсезонье на тот берег мотаются, скупают скот, а затем на нашем рынке перепродают. Степняки-то весной и летом неохотно овец на продажу гонят. Вот осенью — это да... Тут такое твориться будет — страсть! Скотогонов с самых дальних уголков степи будет прорва! А овец еще больше!

— Куда больше-то? — проворчал я, разглядывая заполненный овцами загон у пристани на противоположном берегу реки.

— Увидишь, — усмехнулся десятник и деловито сказал: — Так, ладно, надо паром проверить да отправить.

Мы вдвоем прошли под аркой стиарха и, подойдя к краю пристани, поднялись на паром по его откидному борту, играющему роль сходней. Перед нами предстала здоровущая штукавина размером сорок на двадцать пять ярдов. И очень крепкая на вид. Внушает уважение.

— Сколько ж на него загрузить можно? — спросил я, окинув взглядом просторную палубу парома.

— Ну при приемке его для проверки с двумя сотнями тысяч фунтов на борту гоняли, — с немалой гордостью поведал

Готард. — И ничего, не потонул... А овец, если набить их сюда поплотней, можно тысячу шестьсот голов загрузить.

— У вас тут целый фрегат, а не паром, — покачал я головой, впечатленный названными цифрами.

— А то, — согласился Готард. — Городской и то вдвое меньше нашего. — И, потеряв утрату, нехотя признался: — Хотя этого все равно мало. По осени все зашиваются — и мы и городские.

Глубокомысленно покивав, я указал на торчащий посреди реки каменный столб, от которого к парому тянулась толстенная железная цепь:

— Сваю-то как туда забили?

— Маги постарались, — ответил десятник.

— Готард, может, ты попозже все расскажешь? — не выдержал кто-то из стоящих на пристани паромщиков. — Там же люди ждут!

— А мы ведь и сами могём все тьеру начальнику обсказать, — негромко заметил другой.

— Точно! — загалдели разом остальные. И предложили: — А давайте с нами, тьер начальник, на тот бережок скатаемся? Заодно и о пароме мы вам все обскажем как есть.

— А это не запрещено? — уточнил я у десятника, соблазнившись посулами паромщиков. Интересно ведь прокатиться на такой диковинке.

— Да нет, не запрещено, — усмехнулся в усы десятник. — Прокатись, если охота.

Ну я и решился совершить небольшую экскурсию на пароме. И покатался, и с паромщиками познакомился, и пообщался. Те сразу раскритиковали рассказ Дилэни, заявив, что никто не заморачивается с расчетом грузоподъемности в фунтах или там в овцах. Смотрят просто: как просел паром до такого уровня, что борт-сходня вровень с пристанью стал, так и завершают погрузку. А что там на испытаниях было, это все ерунда. Тогда от парома практически один каркас был. И шел он, нагруженный двумя сотнями тысяч фунтов, почти целиком под водой.

Заодно меня ознакомили с наукой управления паромом-самоплавом. Дело это несложное, но требует особого умения. Да, конечно, физически паромщики не сильно на-

прягаются, ведь им не требуется крутить тяжеленный ворот, чтобы перетянуть паром на другой берег, — река сама несет. Достаточно рули, расположенные на днище, сдвинуть в нужную сторону — и пошло-поехало. Но это нужно делать правильно. Поэтому у паромщиков есть старшина, который следит за тем, как движется паром, и отдает команды паре своих подчиненных, задавая нужный уровень поворота рулей. Почти как капитан на настоящем корабле... И ответственность на нем столь же высокая. Рули-то могучим течением реки и вырвать может, если неправильно угол задать. Или такая нагрузка на связующий узел ляжет, что рано или поздно разломится крепление цепи. И уйдет паром в свободное плавание вниз по Леае...

Тогда всем худо будет: и тем, кто через реку перебраться хочет, и самим паромщикам, которым восстановление переправы придется оплачивать из своего кармана. Если, разумеется, будет доказано, что все произошло по их вине.

А самая необременительная работенка — у четвертого паромщика, который только головой по сторонам вертит, за обстановкой на реке следит. Хоть и редко по Леае корабли ходят, но случается. Вот и приходится стеречься, чтобы не приключилось чего.

В общем, интересная и познавательная экскурсия получилась. Продолжительностью в три четверти часа. Обратный путь мне, правда, не понравился — дико раздражала компания овец.

А больше о первом дне на новом месте службы и вспомнить нечего.

За несколько последующих дней я облазил все закоулки таможни, перезнакомился со всеми живущими здесь людьми и большинством стражников из трех сменных десятков. Обвыкся малость на новом месте, и сразу стало проще. Но и немного скучнее. Да и бес куда-то запропастился... И рыла казать не желал, как я его ни уговаривал.

Тьер Свотс, как и обещал, заглянул на таможню через два дня. Узнал, как у меня обстоят дела, и проверил, правильно ли я оформляю бумаги. А еще ун-тарх привез мне обновку — комплект летнего обмундирования служащего таможни. Добротный форменный мундир, пошитый из превосходного

сукна тонкой выделки. Серо-стального цвета, как и положено, с темно-зелеными вставками на вороте и обшлагах. Ну и туляя фуражки-кругляшки тоже зеленоватая. Но больше всего в глаза бросаются пуговицы и бляха поясного ремня из полированной меди, украшенная гравировкой в виде имперского орла.

В таком мундире не стыдно и перед благородными дамами показаться. Но, покрутившись в нем возле большого зеркала в доме Лигета, я разочарованно вздохнул. Не тяну. Не тяну я на настоящего начальника таможенного поста. Нет во мне внушительности и основательности, потребных для столь значительной должности. Ни толстомордости, понимаешь ли, чтобы щеки на плечи свисали, ни толстобрюхости отменной, чтобы поясной ремень с трудом на последнюю дырку застегивался. Вот эйр Батум, начальник кельмской таможни, — тот да, с первого взгляда внушает уважение своими габаритами. А я больше на самозванца какого-то похож, чем на таможенника.

* * *

К концу второй декады моего пребывания на посту начальника отдельного Остморского таможенного поста я совсем освоился с новой должностью. Работа как работа, ничего сложного. Два-три, ну иногда четыре парома встретить, несколько деклараций заполнить да пошлину собрать — вот и все дела. Уйма свободного времени остается. Которое надо бы чем-нибудь занять, да бес-поганец прячется, вместо того чтобы учить меня обращаться со стихийными энергиями, как обещал.

Но вскоре я нашел чем заполнить свой досуг. Денег-то у меня прилично осталось, больше полутора сотен золотом. Так и отыскался выход из положения. Мне-то покидать таможенный пост нельзя, но это же не значит, что никто не может приехать ко мне! Вот я и нанял себе учителя фехтования. Не сам, конечно, — Готард Дилэни по моей просьбе постарался. Меня не покидает ощущение, что владение основными приемами благородного искусства фехтования сильно пригодится в будущем...

Вдобавок я еще рабочих, что поддерживали порядок на

таможенном посту, озадачил постройкой небольшого полигона позади жилых домов. Навык обращения со стрелометом тоже утрачивать нельзя. Не со шпагой же мне охотиться на дракона?

И все равно, несмотря на утренние занятия с учителем фехтования и вечерние упражнения в стрельбе, свободного времени оставалось очень много. От скуки я даже начал изучать уложение «О таможенной службе». С прочими приказами и распоряжениями, регламентирующими ведение дел конкретно на этом таможенном посту, тоже ознакомился. Этими бумагами целая полка в шкафу была забита.

Тут и выяснилось, что казначейство не отдавало распоряжения пропускать овец без счета и верить перегонщикам скота на слово. В документе говорилось лишь о том, что в связи со сложностью подсчета поголовья допускается сокращение точности до количества десятков голов. То есть не надо таможенным служащим мыкаться и пересчитывать несколько раз всю отару из-за пары-другой овец.

Сначала я хотел этим документом Готарда поддеть, дескать, зачем привирал-то. Но, чуть поразмыслив и прикинув, чем это может обернуться лично для меня, я решил даже не заикаться об обнаруженном распоряжении казначейства. И запихал эту злосчастную бумагу в стопку других. После чего засунул в шкаф, подальше и поглубже. А то ведь вдруг это дойдет до тьера Свотса и меня вправду заставят овец считать? Выполняя такую задачку, и рехнуться недолго. Тем более что вряд ли здесь есть в реальности сколь-либо значительные злоупотребления. Скот вообще мизерной пошпиной облагается, а значит, степнякам нет никакого смысла дурить таможду.

Так дела и шли — тихо, спокойно, размеренно. И скучно.

К концу первого месяца пребывания на таможенном посту меня окончательно достала вареная баранина. Понапридумывают всяких идиотских постановлений — а люди мучайся!

Раз в декаду к нам приезжал тьер Свотс с проверкой, которая проводилась очень простым и эффективным способом. Сопровождающий ун-тарха тьер Легро, маг-менталист четвертой ступени, выдергивал из компании перегонщиков

двоих-троих и беседовал с ними на предмет провоза контрабандных грузов. От мага разума ничего не утаишь, как ни старайся. Когда тьер Свотс приехал с очередной проверкой, я спросил, нельзя ли что-нибудь сделать с этим запретом на нормальную пищу. Тот лишь рассмеялся в ответ. И сказал, что идея отменить это злополучное распоряжение городского совета рано или поздно возникает у каждого вновь назначенного начальника отдельного Остморского таможенного поста. А еще заявил, что мне не стоит рассчитывать на его поддержку в решении данного вопроса. Дескать, руководителей Охранной управы полностью устраивает этот приключившийся казус. Ведь сейчас здесь тишина и полнейший порядок, а как только появятся выпивка и девки, сразу начнется бардак. Придется тогда сюда ежедневно не десяток стражников отряжать, а все три.

— Да и в чем, собственно, проблема, тьер Стайни? — поинтересовался в конце ун-тарх. — Вы же должны понимать, что вы лицо должностное, да и еще находящееся при исполнении служебных обязанностей... И даже будь здесь десяток борделей и сотня кабаков, вы не имеете никакого права их посещать. Вы на работе, а не на курортном отдыхе.

— Это я понимаю, — с досадой отмахнулся я. — Я и не настаиваю на открытии кабака для веселых гульбищ и борделя с непотребными девками. Но эта ваша вареная баранина меня уже задрала!

— Ну так прикажите готовить еду вам отдельно, — пожал плечами тьер Свотс. — Никто не станет по столь незначительному поводу обвинять трактирщика в неисполнении распоряжения городского совета.

Предложение ун-тарха меня порядком оскорбило, но я промолчал. Хотя и было желание высказаться по поводу совета питаться в особом порядке. И смотреть при этом, как на тебя с завистью косятся все остальные посетители трактира, вынужденные давиться вареной бараниной. Или, может, мне еще предложат прятаться от всех и жрякать иные блюда тишком?!

В общем, сам того не желая, тьер Свотс сильно меня задел. Ну да и демон с ним. Не хочет помочь исправить некоторую несправедливость, так мы и сами управимся.

И я начал потихоньку собирать сведения о доброхотах, что протащили через городской совет злосчастное распоряжение. Проблемы это не составило — народ охотно общался на злободневную тему и перемывал косточки злопыхателям, сотворившим такое гадство.

Хитрая задумка, призванная лишить Лигета большей части дохода, оказалась творением трех остморских трактирщиков: Рейса Вальдо, Бруно Терма и Майка Фернандо. Просто их заведения располагались ближе всего к северным воротам, через которые вела дорога к нашему таможенному посту. Вот эти злыдни и сговорились... А помог им родич Вальдо, занимающий высокую должность в городском магистрате.

Довольно быстро удалось выяснить, что каждый из этой тройцы имеет свой интерес в вопросе поставок скота, основном остморском источнике доходов. У Вальдо в собственности малая скотобойня, у Терма — доля в коптильном цехе, а Майку Фернандо принадлежит целых пять мясных лавок.

Просмотрев по второму разу все документы, регламентирующие деятельность таможни, я начал действовать. На следующий же день притормозил остморских дельцов, которые занимались перегонном скота. И заявил, что теперь досмотр перемещаемых через границу товаров будет производиться с особым тщанием. А посему пусть помещают овец в загоны на территории таможенного поста и ждут.

— Чего ждатель-то? — попытались возмутиться перегонщики. — Да и сколько?

— Столько, сколько понадобится, — уведомил я их. — Товар у вас не скоропортящийся, а значит, я имею полное право задержать его для таможенного досмотра на срок до десяти суток. — И показал недоверчиво уставившимся на меня перегонщикам соответствующий раздел в уложении «О проведении досмотровых мероприятий на отдельных таможенных постах».

Перегонщики в голос взвыли и, проникнувшись грозящими им расходами, с ходу попытались всучить мне взятку. Я отказался. Но предложил другой вариант — я не меняю прежний порядок проведения таможенного досмотра, а они не продают скот на предприятия, которые приносили прибыль тройце зловредных трактирщиков.

Перегонщики мгновенно, даже не задумавшись, согласились. Ну что им стоит игнорировать нескольких покупателей из многих сотен имеющихся в Остморе? Никакого убытка это не несет.

А спустя полторы декады я заключил такой уговор уже со всеми перегонщиками овец. Отныне весь поток скота шел мимо слишком умных личностей. И никто из остморских перекупщиков не пытался нарушить данное мне слово — за этим присматривали стражники из отдыхающих смен. Им ведь тоже интересно было, чем дело обернется. Да и кровный интерес у них был — питались-то мы все в одном трактире.

Ун-тарх Свотс ничего по этому поводу не сказал. Только покачал головой и усмехнулся, показывая, что в курсе моих делишек. Ну да и что? Даже если в результате в моей служебной характеристике появится пометка «склонен к использованию служебного положения в личных целях», мне от этого ни тепло ни холодно. Да, с такой пометкой потом никакого движения по службе не будет или вообще срежут на переаттестации. Только для меня это ничего не значащая ерунда — я не собираюсь продолжать работать на Охранку. И даже если серомундирники будут меня упрашивать и сулить высокие должности вкупе с золотыми горами, все равно не соглашусь.

Спустя еще пару дней на таможеню прикатил в открытом экипаже какой-то городской хлыщ. Важный такой из себя. Морда толстенная, лоснящаяся, а глазки маленькие, лучащиеся нескрываемым самодовольством.

— Тьер Стайни? — осведомился он у меня, выбравшись из экипажа. Дождавшись моего утвердительного кивка, продолжил: — Я имею к вам важный разговор. — Но на этом не успокоился и, бросив многозначительный взгляд на десятника, с которым я в тот момент беседовал, подчеркнул: — Строго конфиденциальный.

— А вы кто, собственно, будете? — поинтересовался я.

— Старший магистратский советник, Юрек Вальдо, — небрежным жестом прикоснувшись к краю шляпы, отрекомендовался незваный гость.

— Ну что ж, давайте пообщаемся, тьер старший магистратский советник, — со всей возможной любезностью улыб-

нулся я двоюродному брату Рейса Вальдо. И пригласил его в конторку.

Там я сразу прошел за стол и с комфортом устроился в кресле. После чего вопрошающе уставился на чинушу. Сесть ему, разумеется, предлагать не стал. Чуть помявшись, тот сам уселся на стоящий перед столом простой деревянный стул. Шляпу снял и бросил ее на столешницу перед собой. Прилизанные волосы легким движением руки пригладил, ногу на ногу закинул. И, строго глядя на меня, спросил:

— Что вы себе позволяете, тьер Стайни? На каком основании вы чините препятствия делам некоторых уважаемых остморских жителей?

— Это каким таким уважаемым жителям?.. — удивился я, но магистратский советник меня перебил, перейдя на повышенный тон:

— Позвольте, я не закончил!

— Хорошо, продолжайте.

— Так вот, — откашлявшись, чуть потише заговорил чинуша. — Я прибыл к вам с тем, чтобы от лица городского совета выразить нашу глубокую озабоченность создавшейся ситуацией. И настоятельно рекомендовать вам прекратить это безобразие, пока оно не зашло слишком далеко и высокопоставленным лицам Остмора не пришлось принимать в отношении вас крайне неприятные меры. Уже сейчас городским советом рассматривается прошение в Охранную управу о снятии вас с должности начальника таможенного поста. И это только цветочки... Если вы не уйметесь. Надеюсь, я понятно изъясняюсь?

— Слышь, ты, прыщ чиновничий, — лениво протянул я, нисколько не впечатлившись произнесенными угрозами, и щелчком пальцев сбил со столешницы на пол модную темно-серую с синей нитью шляпу. — Слушай меня внимательно. Даю тебе три дня на то, чтобы постановление городского совета, ограничивающее деятельность трактира Лигета Райса, было пересмотрено и приведено в нормальный вид.

— Да как вы смеете так ко мне обращаться?! — не дослушав меня, гневно возопил вскочивший на ноги Вальдо. — Да за такое оскорбительное отношение к уважаемому представителю городских властей плетью наказывают!

— Так это имеет отношение только к уважаемым людям, — с усмешкой заметил я. — А ты к ним, продажная шкура, никоим образом не относишься.

— Ну все! Моему терпению пришел конец! — взвизгнул побагровевший чинуша. — Чтобы какой-то там десятник так ко мне обращался?! Я этого так не оставлю! И добьюсь, чтобы тебя выгнали отсюда поганой метлой! А если Свотс меня не послушает, то я и до столицы дойду! У меня и там знакомства имеются!

— Попробуй, — снисходительно предложил я. — Только когда будешь своих столичных знакомцев привлекать, ты их предупреди загодя, чтобы они потом на тебя не обижались, что тягаться им придется с грасс-тархом Луарье, заместителем главы Охранной управы, личным распоряжением которого я сюда назначен. — И, глядя на переменившегося в лице Вальдо, вытащил из-за ворота рубашки серебряный значок с коронованным черным орлом, сжимающим в лапах секиру. Постучал по нему указательным пальцем: — Не забывай также вот об этом. О моем праве привлечь к расследованию обстоятельств дела мага-менталиста, если поднимется официальная шумиха. Мне-то бояться нечего, я выгоды не ищу, а вот тебе... Когда вскроется, что в принятии того злосчастного постановления имелся чей-то корыстный интерес... Думаю, кому-то из городского совета тут же дадут смачного пинка под зад.

Чинуша вмиг сдулся и более не возмутился. Шляпу с пола поднял и бочком-бочком двинулся к двери. А я ему напомнил на всякий случай:

— Не забудь, у тебя всего три дня. А не управишься в срок, я тебе и твоим дружкам-трактирщикам такую травлю устройю, что вы обрыдаетесь.

Забыв попрощаться, визитер вымелся из конторки, оставив меня в прекрасном настроении. Что и говорить, в положении служащего Охранной управы есть свои преимущества. Будучи простым стражником, так на спесивого чинушу не наедешь.

Спустя день ко мне заглянул начальник остморского отделения Охраной управы и, насмешливо улыбаясь, протянул бумагу... Документ, заверенный печатью городского совета,

где было сказано, что отныне снимаются все ограничения, введенные ранее принятым постановлением под номером пятьдесят два дробь два... в части, касающейся блюд, приготавливаемых в трактире тьера Лайса. Выпивку продавать, правда, так и не разрешили. Но и то хлеб.

— Удовлетворены, тьер Стайни? — поинтересовался тьер Свотс.

— Вполне, — довольно ответил я.

— Это хорошо, — одобрительно кивнул ун-тарх. — Значит, новых и, мягко говоря, сомнительных инициатив от вас исходить не будет?

— Ну почему же сомнительных? Все было сделано в рамках закона.

— Все верно, — согласился серомундирник. — Потому я и не налагаю на вас взыскание. Хочу лишь одно вам сказать, тьер Стайни. На будущее... — Он покачал головой. — Хождение по самому краешку никогда не доводит до добра...

И, быстро распрощавшись, умотал обратно в город. Некоторое время я ломал голову над тем, как понимать это предостережение, но размышления эти длились недолго. Выкинув слова ун-тарха из головы, я отправился с радостной вестью к Лигету.

Ох и налопались же все в тот день всякой всячины! Заведовавшая трактирной кухней Рейна, сестра Лигета, показала, что такое настоящее поварское искусство. Оказалось, она не только вареную баранину отлично умеет готовить, но и вообще отменнаястряпуха.

После этого жить на таможе стало чуть веселей. Стражники перестали пытаться наесться дома на весь день, чтобы потом здесь бараниной не душиться. И Лигет заметно подобрел. Заведение-то его стало на нормальный трактир походить. Клиенты опять же появились.

* * *

Так незаметно пролетел и второй месяц. А потом... а потом вдруг оказалось, что моя жизнь потихоньку начинает походить на упомянутое в церковных писаниях житие святых, когда те, отринув свою греховную суть, вступали на путь борьбы с соблазнами. Их ведь тоже темные силы пытались иску-

шениями... Вроде как к некоторым и суккубы и инкубы являлись наяву... Прямо как ко мне!

Сначала, впрочем, я не понял, что к чему. Как-то раз, призадумавшись, я сидел за столом в конторке. Никак не мог решить, чем себя занять вечером. Перспектива штудировать полночи новую книгу по алхимии отчего-то не вызывала никакого энтузиазма, хотя в «Простейших трансмутациях Джерона» должно быть много интересного и полезного. Но насколько интересней было бы просто погулять по вечернему Остмору... На симпатичных горожанок поглазеть... А может, и не только поглазеть... Пусть они и не тянут супротив Энжель или той же Кейтлин.

Едва я подумал об этом, как вздрогнул от неожиданности: перед моим взором внезапно материализовалась Черная Роза Империи. Во всей своей умопомрачительной вызывающей красе. У меня едва слюнки не потекли при виде этой эффектной красотки в черном с серебром замшевом наряде. Что ни говори, а эта Кейтлин — поистине демоническое отродье... Ибо олицетворяет собой нечеловеческое совершенство красоты.

Поглазев немного на представший предо мной чрезвычайно обольстительный образ, сильно выигрывающий на фоне своего живого прототипа тем, что стервозности не проявлял, я с немалым трудом заставил себя перестать думать о Кейтлин. А когда памятное воспоминание исчезло, вздохнул. Да, остморские горожанки против такой красотки не потянут... Даже всем скопом.

И все бы ничего — подумаешь, ну вспомнил одну свою знакомую, с кем не бывает? Это обычное дело для любого человека. И разница лишь в яркости воспоминаний. Однако все оказалось не так просто... Как-никак суккубы — демоны искушения. И их возможности в соблазнении бедных людей поистине безграничны... Этим воплощениям искусства не нужно даже присутствовать на месте событий, чтобы превратить чью-то жизнь в сущую муку. Достаточно только памятного образа.

В силе демонического искушения я убедился уже на следующий день, когда совсем не нарочно вновь вспомнил Кейтлин. Она вновь предстала предо мной, совсем как жи-

вая. И в этот раз я с еще большим трудом сумел справиться с собой и отринуть греховные помыслы в отношении этой красотики.

А дальше стало только хуже. Желание вновь полюбоваться на демоническое воплощение безупречной красоты сделалось просто навязчивым! И практически необоримым! Не помогало даже осознание того, что с каждым таким призывом обольстительного образа я все больше и больше растравливаю себе душу, а в итоге мои помыслы еще чаще обращаются к Кейтлин. Просто мрак! Ведь любая мысль о черноволосой стерве заставляет ее образ-воспоминание возникать перед моими глазами! Даже если эта мысль — приказ самому себе больше не думать о наглой демонице, не дающей людям покоя!

На четвертый день этого безумства я плюнул на все и воззвал к бесу. Работать просто невозможно, когда это искушающее видение рядом!

«Бес, хватит прятаться уже! Вылазь! И сотри это проклятое воспоминание из моей памяти!» — взмолился я.

«Чего шумим, спать не даем?» — деловито осведомился бес, с легким хлопком материализовавшийся на столе, за которым я пытался избавиться от присутствия Кейтлин и заполнить наконец нужные бумаги.

«Где ты пропадаешь? — возмущенно спросил я. И пожаловался: — Тут такое творится... — Но тут же прервал себя и потребовал: — Убирай немедленно эту гадость из моей памяти — идеальное воспоминание об облике Кейтлин ди Мэнс!»

«Сей момент! — пообещал довольно осклабившийся бес и ловким жестом фокусника вытащил откуда-то из-за спины большой пергамент. А следом и чернильницу с пером. — Только подпиши вот здесь и здесь!»

«Что это?» — изумленно воззрился я на какой-то документ, который нечисть поганая настойчиво совала мне в руки.

«Как — что? — удивился бес. — Договор на оказание бесовских услуг по коррекции памяти».

«Ты... ты совсем оборзел?! — Моему возмущению не было предела. — Ты же сам, поганец, без всяких договоров этот треклятый образ в мою память поместил!»

«Ну было дело, — сознался рогатый в злодеянии. И пожал плечами: — И что?»

«Как — что? — всерьез разозлился я. — Ты поместил — ты и убирай!»

«Э... не могу, — развел лапками бес и, вроде как смутившись, шаркнул ножкой по столешнице. — Это против нашего наиглавнейшего бесовского принципа!»

«Это против какого же такого принципа?» — весьма ядовито осведомился я, преисполнившись негодования.

«Ненужное — даром, а необходимое — только за деньги!» — ответил бес, весело скалясь.

«Что?!» — неверяще уставился я на него.

«То, что слышал! — с ехидством ответствовал этот поганец. — Если бы ты попросил удалить из твоей памяти образ стервочки Кейтлин декаду назад, я бы это сделал без вопросов. А сейчас, извини, только по договору».

«Ах ты, подлая скотина... — пораженно прошептал я. — Ненужное, значит, даром... А потом плати денежки? — И, оскалившись не хуже беса, пообещал: — Ну мы еще за это сочтемся, нечисть поганая! Я тебе насчитаю столько денежек, что шкура до хребта протрется, когда тащить их будешь!»

«Так я согласен и не на золото, — сложив на пузе лапки, миролюбиво заметил бес. — Давай иначе договоримся?»

«И что же ты хочешь?» — с трудом сдерживая клокочущую ярость, осведомился я, подозревая новый подвох.

«Да самую малость, — уверил рогатый. — Немедленно убраться из этой дыры».

«Скоро уедем, — пообещал я. — Обожди самую малость, мне чуть-чуть до окончания срока осталось».

«Ну и ты тогда чуть-чуть потерпи, — ослабилась бес и сделал ручкой: — Передумаешь — обращайся, я завсегда на месте». — С этими словами он исчез.

— С-скотина... вот подлая с-скотина!.. — Я злобно сжал кулаки.

Чувство благодарности, питаемое мной по отношению к бесу за помощь во время нападения демонов, вмиг истаяло без следа, после того как нечисть поганая показала свое истинное нутро. Намять бы этому поганцу бока! Ох как много я бы отдал за такую возможность! Но это, увы, несбыточная

мечта. Бес ни за что не согласится предстать передо мной в материальном облике. Небось догадывается, чем это для него чревато.

Я покосился на Кейтлин, сидящую на краешке стола. Та тут же переместилась поближе ко мне и, чуть раздвинув свои потрясные ножки, откинулась назад, оперлась ладонями о столешницу и приняла откровенно вызывающую позу. Закатив глаза, я коротко простонал и со злостью смял безнадежно испорченный лист, на который заносил сведения о грузах, прошедших через таможню за этот день. Что теперь делать — демон его знает! Но так жить просто невозможно!

Немного успокоившись, я все же попытался найти выход из непростой ситуации. Конечно, самостоятельно стереть из памяти образ Кейтлин я не сумею, да и игнорировать ее искушающее великолепие не получится... Значит, остается только попробовать не думать о ней постоянно. Надо занять себя чем-нибудь, чтобы не до того было.

Решив, что это хорошая идея, — отвлечься от назойливых мыслей о Кейтлин, с этого же дня я втрое увеличил объем тренировок. Это коснулось и утренних занятий с учителем фехтования, и вечерних упражнений со стрелометом. А вдобавок я договорился с Лигетом, чтобы он научил меня ездить верхом. Раз есть возможность, почему бы не попробовать? Ведь пара лошадей, обученных ходить под седлом, у трактирщика имелась. Правда, он их обычно в повозку впрягал, отправляясь в город за свежей снедью, но иногда и сам верхом прокатиться не брезговал, да и сынишке своему, Джерому, не запрещал.

Увы, все оказалось напрасно. Уставать я стал больше, а облегчения это не приносило. Да, от памятного видения тренировки спасали, но только на время, пока я был целиком и полностью занят ими. А заниматься целые сутки напролет не представлялось возможным. И работа требует времени, да и чисто физически это нереально. А что хуже всего — бесподобно привлекательный образ Кейтлин становится просто завораживающе прекрасным в моменты отдохновения после тренировок...

Не помогло, в общем. И остался лишь один вариант действий — стиснуть зубы и терпеть. Ведь святые отшельники

как-то выдерживали это мучение, вот и я выдержу! Не поддамся искусству! И не пойду на поводу у беса! Просто мне нужно относиться к присутствию Кейтлин как к чему-то естественному... Как к восходу и заходу великолепного солнца, например.

Такое самовнушение давалось крайне тяжело. Даже тяжелее утроенных тренировок. И это стало заметно со стороны. Готард, с которым я малость сдружился за эти два с половиной месяца, остановил меня как-то и, покачав головой, заметил:

— Ты прямо сам не свой, Кэрридан... Случилось что?

— Нет еще, — буркнул я, косясь на стоящую рядышком суккубу. И скорбным гласом возвестил: — Но нечто страшное может случиться, если в скором времени на территории таможенного поста не откроется бордель...

— Так ты по девкам соскучился?! — расхохотался Готард и дружески толкнул меня кулаком в плечо: — А чего молчал-то? Мы это дело враз организуем! Тебе какие девицы больше нравятся — маленькие и пухленькие или длинные и тощие? — деловито осведомился он.

— Что-то среднее между ними, — малость воспрянув духом, с надеждой посмотрел я на Готарда.

— Сделаем, — пообещал он. — Завтра утром я сменюсь, то да се, а после заката подтянусь. Пойдет?

— Конечно, пойдет! — радостно кивнул я. Против искушения живой суккубой такой вариант не покатыл бы, но избавиться таким способом от иллюзии ее присутствия наверняка удастся!

Я с трудом дождался следующего вечера. Чем ниже солнце склонялось к горизонту, тем сложнее мне становилось сдерживать свое нетерпение. Даже не знаю, что бы со мной было, если бы Готард не прикатил, как и обещал, сразу после заката.

Было еще светло, когда на территорию таможенного поста въехала довольно старенькая карета и подкатила к конторке, на крытой веранде которой стоял я. Из кареты выскочил ухмыляющийся Готард, слегка навеселе, и, махнув зажатой в руке глиняной бутылкой, крикнул:

— Кэрридан, принимай гостей!

Я сам непроизвольно заухмылялся, глядя на него, и двинулся к карете, чтобы помочь гостям выбраться. Правда, когда я подошел, они уже сами вылезли из кареты. Но это ерунда. Куда важнее было то, что у меня враз вытянулось лицо, едва я увидел привезенных Готардом девушек — светленькую и темненькую. Они, конечно, посимпатичней Лидки, но не так чтобы намного...

Взирая на удивленно замерших девиц и Готарда, замершего на полушаге, я выдавил из себя вымученную улыбку:

— Заходите уж, — и пригласил всех на второй этаж, в свое жилище.

На лестнице чуток придержал Готарда и шепотом поинтересовался:

— Я вот только не пойму, на кой тебе в город-то надо было мотаться? Пригласили бы сразу уж Лидку...

— Да ты что, Кэрридан! — возмутился он. — Нормальные ведь девки! Да ты сам погляди — все при них! Как ты и заказывал — не толстые и не тощие! И даже почти не страшные. Да и вообще, тебе же не воду с лица пить!

— Нет, разумеется, — скорчил я разочарованную физиономию и, вздохнув, поплелся вслед за Готардом.

Хорошо хоть он догадался вина взять, а то даже не знаю, что бы я делал. Прекрасная демоница-то никуда не делась! И просто не давала мне обратить внимание на этих невзрачных остморских девиц! Женской ласки мне очень хотелось, но желал я эту проклятую обворожительную суккубу!

Только напившись, я смог справиться со своими неисполнимыми желаниями и удовольствовался не самой красивой, но зато реальной девушкой. Хотя легче от этого стало не намного... Жажду обладания демоном искушения пригасил, но не настолько, чтобы совсем ее не замечать.

На следующий день ун-тарх Свотс устроил нам с Готардом выволочку. Строго-настрога запретил таскать на таможенный пост непотребных девок и выпивку, пообещав в обратном случае отправить нас для воспитания в холодную. На декаду-другую.

— Да мы же не просто так это гульбище устроили, а для пользы дела, — попытался возразить ун-тарху десятник. — Кэрридан зачах тут без женского внимания!

— Пусть женится, раз ему женского внимания не хватает! — с ходу отмел приведенный аргумент наш начальник.

— На ком? — хмыкнул Готард. — Девиц тут днем с огнем не сыщешь.

— А на Лидке вон. — Тьер Свотс мотнул головой в сторону вышедшей из трактира девушки и быстренько ретировался, пока мы с Готардом молчали, оторопело уставившись на племяшку Лигета.

Постояли мы с Готардом, подумали... И пришли к единодушному мнению, что нехороший в общем-то человек ун-тарх Свотс. Никакого сочувствия к нуждам подчиненных. Иначе не глумился бы так.

Впрочем, хоть и озлился я тогда на ун-тарха, но на отношения с ним это никак не повлияло. Мы ведь в основном по работе пересекались, а дружбу не водили. Последнее, впрочем, меня несколько не огорчало.

Да и вообще бес с ним, с этим начальником. Не до него. Нужно что-то с суккубой решать, пока она меня с ума не свела. Но ничего путного в голову не приходит, кроме как договориться с бесом. Только он может здесь помочь. Больше никто. Самому мне демона искушения не одолеть. Самый действенный, хотя и самый опасный метод борьбы с искусом мне недоступен: одолеть соблазн, поддавшись ему, я просто не могу по причине нематериальности объекта вожеления.

«Бес, скотина, где ты?» — весьма неласково обратился я к нечисти.

«Туточки я! — мгновенно возник передо мной откровенно скалящийся поганец. Напустив на себя глубокомысленный вид, он заявил: — Сдается мне, я знаю, для чего вдруг понадобился тебе... Не иначе как жаждешь вызнать ритуал призыва из Нижнего мира парочки милых суккуб!»

«Издеваешься, гаденыш?! — со злостью прошипел я. — Сам втравил меня во все это, а теперь издеваешься?!»

«Я втравил?!» — с искренним изумлением воззрился на меня бес.

«Разве у тебя есть в этом какие-то сомнения? — ядовито осведомился я. — Или это не ты поместил мне в память идеальный образ Кейтлин?»

«Поместил-то я, — признал рогатый неоспоримый факт и

тут же выдал: — Но моей вины в возникших у тебя проблемах нет!»

«Ах, значит, это я сам во всем виноват?» — разозлился я на поганца хвостатого. Мало того что обжулил меня, так еще имеет наглость утверждать, что вина за это лежит на мне.

«Ну а кто же еще?» — развел лапками бес.

«Моя единственная вина в том, что поверил такому жулику, как ты!» — бросил я злобный взгляд на прикидывающегося невинной овечкой беса.

«Неправда! Никакой я не жулик! И играю честно! — возмущенно вскинулся рогатый. — Да мы, бесы, если хочешь знать, вообще самые честные существа во всех трех мирах!»

«Оно и заметно, — саркастически ухмыльнулся я. — Жулье рогатое!»

«Вот так ты, значит, да?! — не на шутку рассердился бес. — Я к тебе по-хорошему, а ты, значит, так?!»

«А как иначе к тебе относиться после того, что ты сотворил?» — резонно подметил я.

«А я тебя не предупреждал?! Скажи, не предупреждал?! — воскликнул бес. — Я тебе сразу сказал — надо валить из этой дыры, пока не поздно! — И оперев лапы в бока, припечатал: — Вот не пропускал бы мимо ушей советы мудрого беса, уже месяца два как валял бы эту милую стервочку Кейтлин в мягкой постельке! А не пускал бы слюни на ее образ!»

«Скорее уже месяца два, как драконы мои косточки обглодали бы», — проворчал я скорее из чувства противоречия, чем из-за несогласия с бесом. Ведь существовала вероятность того, что Кейтлин была бы уже моей, отправься я сразу за сумеречным драконом! Правда, шансов завалить с кондачка дракона у меня было меньше одного на сотню миллионов... Ну разве что тот сам бы издох, пролетая мимо, и свалился к моим ногам.

«Все было бы путем, — уверил меня прохвост рогатый, запрыгнув на левое плечо. — Это я тебе точно говорю! И вообще, если бы ты не был упрямым ослом и прислушивался к моим советам, уже давно у тебя бы не жизнь была, а сказка!»

«Ага, сказка! Только страшная! — фыркнул я. — Ты же постоянно все на вред делаешь!»

«Кто, я?! — Бес отчего-то счел себя оскорбленным и с не-

годованием возопил: — Да я, да я все для твоего блага делаю! А ты, а ты... Неблагодарное животное, вот ты кто!» — И, скрестив лапы на груди, оскалился в мою сторону.

«Вот ты как заговорил? — тоже оскалившись, ухмыльнулся я. — Так что же ты, благодетель, не избавишь меня от идеального воспоминания об этой демонице? А, дружище?»

«Я тебе уже говорил — против принципа это, — буркнул в ответ бес, отворотив рыло. После чего заявил: — И вообще, надо с самими проблемами бороться, а не с их последствиями».

«Ты о чем?» — озадачился я.

«О том, что проблема вовсе не в памятном образе Кейтлин, а в твоём нынешнем образе жизни, — охотно пояснил бес. — Ведь до того, как мы забрались в это захолустье, ничего подобного не было?»

«Не было», — нехотя подтвердил я.

«Ну вот видишь! Значит, во всем виновато это ужасное место! И если мы уедем немедленно, то тебе сразу полегчает, не сомневайся!»

«Значит, не уберешь из моей памяти это треклятое воспоминание?» — мрачно уточнил я. Очевидно, нечисть поганая просто морочит мне голову, пытаюсь вынудить бросить службу и уехать отсюда.

«Не-а, — помотал головой бес. — И не подумаю! Во всяком случае, пока не уберемся отсюда».

«Ну и проваливай тогда, благодетель», — зло бросил я.

«Нет уж, я лучше останусь и погляжу, — ухмыльнулся прохвост. И, предвкушающе потерев лапки, доверительно сообщил: — Страсть как, знаешь ли, люблю занимательные представления...»

«Ох и дожدهшься ты у меня, гаденыш!» — скрипнул я зубами.

Но беса несколько не впечатлило мое обещание поквитаться с ним, как только выдастся возможность. Да и оценивающий взгляд, который я бросил на его тушку, прикидывая, где делать разрезы, чтобы сподручней было содрать с поганца шкуру, он проигнорировал. Ну да ничего, как дело дойдет до натирания солью, так небось бросит придуриваться.

От смакования подробностей злобных планов меня от-

влекла работа. Настоящая, таможенная, а не какое-то там тупое оформление бумаг на перегоняемых овец. Прикатил караван тьера Дивэйна, и никак нельзя было упустить возможность заняться интересным делом и пообщаться с людьми.

С этим гильдейским купцом одно удовольствие работать. Учетные списки на весь товар у него всегда в двух экземплярах, приказчики знают, что и в каком фургоне лежит, поэтому никакой мороки с таможенным досмотром. Бери перечень груза да проверяй спокойненько.

Жаль, остальные остморские купцы городским паромом пользуются, а к нам не заглядывают. Одного тьера Дивэйна маловато для развлечения будет. А учитывая тот факт, что он курсирует в степь и обратно не слишком часто — раз в декаду-полторы, так и вообще...

Демонстративно игнорируя поганого беса, вприпрыжку скачущего по левую руку от меня, и стараясь не коситься на прелестную суккубу, вышагивающую справа, я дошел до пристани, где приступил к досмотру торгового каравана. Само собой, не один, а со стражниками и в присутствии приказчиков остморского купца.

Первые четыре фургона мы быстро досмотрели — там были в основном разноцветные ткани и крашеное сукно — и сразу отправили досмотренную часть каравана вместе с купеческой охраной на другой берег. Чтобы время зря не терять. А то ведь зараз все принадлежащие тьеру Дивэйну восемь здоровенных фургонов, запряженных волами, на паром не вместить.

С остальным товаром тоже никаких заминок не вышло — все осмотрели, сосчитали, с перечнем сверили. Никаких нестыковок не выявили. Я в этом в общем-то и не сомневался. Тьер Дивэйн и так прилично имеет со своего товара. На кой ему мелким жульничеством промышлять?

А вот бес явно страдал излишней недоверчивостью. Все фургоны облазил, во все уголки свое любопытное рыло сунул. Лишь под конец досмотра угомонился и, скорчив разочарованную рожу, уселся на борту фургона, скрестив лапки на груди.

«Проклятая дыра!» — проворчал он.

«Ну и вали отсюда, раз так не нравится, — не удержался я. — Никто тебя здесь не держит, нечисть поганую!»

«Вот чего ты, спрашивается, на меня дуешься? — хмуро спросил бес. — Обзываешься всяко... Мы ведь уже вроде разобрались, что ты сам во всем виноват? — И, на мгновение задумавшись, предложил: — Ну хочешь, я пойду тебе навстречу и чуть помогу, а?»

«И как же ты мне поможешь? — недоверчиво сощурился я. — Неужели уберешь-таки образ Кейтлин из моей памяти?»

«Нет, этого я сделать, конечно, не могу в этих условиях, — отрицательно мотнул башкой бес и, блеснув глазками, шепнул: — Но есть тут у меня одна идея...»

«Ну-ну», — поощрил я примолкшего прохвоста, и тот выпалил на одном дыхании: «Давай я этот зрительный образ на Лидку наложу! И тебе счастье, и девчонке радость!»

«И ты туда же, скотина?!» — Я даже затрясся от негодования, глядя на покотившегося со смеху беса.

«Ну а что? — развел лапками скалящийся бес, вдоволь насмеявшись. — Чем не решение твоей проблемы? — И принял меня увещевать откровенно издевательским тоном: — Да ладно тебе! Соглашайся! Как оторвешься!..»

«Ничего, бес, ничего... — с обещанием мучительной смерти глядя на рогатого, проговорил я. — Сочтемся когда-нибудь...»

«Ну вот, опять обиделся! — разочарованно констатировал бес. — Я для него, понимаешь, стараюсь!..»

«Знаешь, старатель, — окинув его задумчивым взглядом, протянул я, — как только мне удастся от тебя избавиться, я сразу найму лучших охотников на демонов... И отправлю их в Нижний мир... За тобой... Вернее, за твоей шкуркой. Из которой я сделаю коврик у входной двери своего дома! Как тебе такая перспектива, а?»

«Злой ты и неблагодарный! — обиженно засопел бес. — Я же для тебя стараюсь! Наушаю по мере сил! А ты, осел, даже думать головой не хочешь!»

«Спасибо, я оценил твое старание, — съязвил я. — Особенно твой пассаж с Лидкой».

«А что тут такого? — с искренним недоумением уставился на меня этот прохвост. — Сам подумай — это ведь правда от-

личная возможность обзавестись действительно смазливой девицей безо всяких хлопот с твоей стороны. И никаких тебе дуэлей за внимание красавицы! Другие-то ее красоты не увидят! — Довольно оскалившись, он предвкушающе потер лапки. — А что самое замечательное — ей денег давать не нужно, она тебе сама приплачивать будет за внимание! Чувешь, какие перед тобой открываются перспективы?! И удовольствие получишь, и денежек поднакопишь!»

«Ну все, не жить тебе, нечисть поганая!» — Забывшись под влиянием вспыхнувшей в душе ярости, я потянулся к глумящемуся надо мной поганцу с явным намерением придушить его. Но, к превеликому сожалению, так и не смог схватить мерзкую нечисть и вынуть из нее душу... Мало того, этот гадкий бес подначил меня — брякнулся на спину, уместился поудобнее и, почесывая пузо, стал с откровенной насмешкой наблюдать за моими тщетными попытками сцапать его нематериальную тушку.

До самого вечера я не вспоминал о Кейтлин, лелея мечты поквитаться со злокозненным обитателем Нижнего мира, обретшим пристанище в моем теле. Ну хоть какая-то польза от этого мерзавца рогатого.

Но на следующий день суккуба вернулась, не утратив за время недолгого отсутствия ни грана своего безупречного великолепия. Соответственно вернулась и сжигающая меня жажда обладания этой умопомрачительной красотой. И стало тяжело, как никогда... Забыться помогали только тренировки и недолгие дела на таможне.

А гаду бесу было смешно. Все время скалился, потешаясь надо мной. Всего один раз отвлекся — когда остморские перегонщики пригнали небольшую партию скота. Он побегал-побегал вокруг меня и, махнув лапкой, угомонился, проворчав при этом: «Бесперспективно».

«Что бесперспективно?» — полюбопытствовал я, озадаченный беготней беса.

«Да это я так», — отмахнулся тот, не став раскрывать суть своего замечания.

И добиться от него внятных объяснений так и не удалось. Ну да что возьмешь с этой зловредной нечисти?

Прошло еще шесть дней этого кошмара, в каковой пре-

вратилась моя жизнь после появления демона искушения, и я начал потихоньку привыкать к присутствию Кейтлин. Сжигающая страсть никуда не делась, но концентрироваться на делах при этом стало немного полегче. Это как с наполненным песком мешком, с которым приходилось бегать на тренировках в Кельме. Сначала он кажется неподъемным и, кроме его веса, ничего не замечаешь, а под конец дистанции о нем и не вспоминаешь, думая только о том, как добраться до финиша живым. Тут та же история.

Не зря говорят, что человек ко всему привыкает. Даже к каждодневному соблазнению обольстительным искусом. Но лучше бы Кейтлин вживую мне в это время не попадаться... Или я за себя не отвечаю.

Спустя семь дней я немного воспрянул духом и больше не пытался надавить на беса с просьбой уничтожить образ Кейтлин. Тем более что этот паршивец ни в какую не поддавался на уговоры и увещевания. Тяжко, конечно, когда суккуба рядом, но с этим придется смириться. И просто радоваться ее присутствию... А еще больше — тому, что в моей памяти сохранился именно этот, самый первый образ Черной Розы Империи. Все-таки в тот миг она была хотя бы одета... пусть и слишком вызывающе для леди. Но уж лучше так, чем иначе. Я ведь мог запомнить ее и в другой миг... например, когда она была практически полностью обнажена... Вот тогда бы я точно рехнулся!

* * *

На следующее утро настроение мне изрядно подпортила объявившаяся на противоположном берегу овечья отара. Огромная. Кто-то пригнал просто неимоверное количество этих мерзких тварей. Никогда еще такого не было! Хотя, судя по рассказам старожилков, будет еще и не то.

Глядя на серую волну, захлестнувшую берег Леайи, я вздохнул. Придется до ночи торчать на причале. Паром-то медленно ходит, а овец чуть ли не полсотни тысяч. Ну может, чуть поменьше. И как их ни трамбуй на палубе, все равно за пару ходок не перевезти. Одним только паромщикам радость — сегодня они заработают намного больше, чем обычно.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	126
Часть третья	218
Часть четвертая	336